

каждое из которых по-своему отвечает нуждам человека. Отсюда следует, что рыцари, именно для того, чтобы оказаться способными выполнять свои обязанности, обеспечены и замками, и селами, и городами; между тем, если бы обязанности рыцаря заключались в том, чтобы разрушать села, замки и города, сжигать и рубить леса и посевы, резать скот и грабить на дорогах, то изменой рыцарству было бы строить и создавать замки, крепости, села и города, защищать крестьян, содержать сторожевые башни для охраны дорог и многое в этом же роде; тем самым получалось бы, что цели, которые ставили перед собой при создании рыцарства, совпадали бы с изменой рыцарству и с его полной противоположностью.

23. Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей; ибо подобно топору, который был создан для того, чтобы им рубили деревья, рыцарь призван истреблять дурных людей. Отсюда следует, что если сам рыцарь является грабителем, вором и изменником, а грабители и вору должны истребляться и пленяться рыцарями, то рыцарь, являющийся вором, изменником и грабителем, дабы отвечать своему предназначению, должен не кого-либо другого, а самого себя убить или пленить; в том же случае, если бы он, со всей строгостью соблюдая свои рыцарские обязанности по отношению к другим, отказался со всей строгостью отнестись к самому себе, то и предназначение рыцарского ордена скорее бы распространялось на других людей, а не на него самого. В то же время коль скоро абсолютно неестественно, чтобы кто-либо сам себя убивал, то рыцаря, оказавшегося вором, изменником и грабителем, должен убить и уничтожить другой рыцарь. Рыцарь же, который укравает и поддерживает рыцаря, оказавшегося изменником, грабителем и вором, не отвечает своему предназначению; ибо если бы он в этом случае ему отвечал, то, убивая и истребляя воров и изменников, не являющихся рыцарями, он действовал бы вопреки своему предназначению.¹⁶

24. Если болит у тебя, рыцарь, одна рука, то в другой твоей руке эта боль отдается куда острее, чем во мне или в любом другом человеке; точно так же порок и ущербность рыцаря, оказавшегося изменником, вором и грабителем, ты, будучи рыцарем, принимаешь ближе к сердцу, чем я, рыцарем не являющийся. Отсюда следует, что если твоя боль ближе тебе, чем моя, почему же снисходителен ты к рыцарю, уронившему достоинство рыцарства, и при этом беспощаден к простым людям, совершившим ошибки?

25. Рыцарь-вор совершает куда большее преступление против высокого достоинства рыцарства, когда лишает его чести и имени, чем тогда, когда ворует деньги и другие ценности; ибо лишить чести — это значит нанести урон и запятнать то, что достойно высших похвал и почестей. А поскольку цена чести и доброй славы выше, чем цена денег, золота и серебра, то, запятнав рыцарство, наносят куда больший урон, чем украв деньги и другие ценности, для рыцарства посторонние. В противном случае получалось бы, что либо цена человека ниже, чем цена денег и других вещей, либо что украсть одну монету преступнее, чем украсть много денег.

26. Если бы изменник, убивший своего господина, соблазвивший его жену и сдавший без боя его замок, считался бы рыцарем, то как назывался бы тот, кто умер бы, спасая честь и жизнь своего господина? И если господин расхваливает своего рыцаря-изменника, какие еще преступления тот должен совершить, дабы быть осужденным и наказанным? И если господин не заботится о чести рыцарского ордена, не ополчаясь против своего рыцаря-изменника, как еще ее поддержать? И если господин не преследует изменника, может ли он вообще преследовать кого-либо, и господин ли он вообще, хотя бы своим людям?

27. Если рыцарь стремится обвинить изменника и уничтожить его, а рыцарь-изменник стремится скрыться и уничтожить верного рыцаря, в чем заключаются тогда устремления рыцарства? И если рыцарь-изменник со своей низменной душой тщится одержать победу над великодушным рыцарем, сражающимся за правду, что именно он тщится превозмочь и побороть? Если же поборник рыцарства и правды окажется побежденным, за какой грех он будет нести расплату и куда при этом канет высокая рыцарская честь?

28. Если бы воровство входило в обязанности рыцаря, благодеяние оказывалось бы противным природе рыцарского ордена; если же благодеяние входило бы в чьи-то обязанности, сколько достоинства было бы в том человеке, в обязанности которого входило бы благодеяние? Если одаривать награбленным соответствует рыцарской чести, чему отвечало бы стремление возвращать? И если рыцарь должен овладеть тем, что Богом было даровано другому, чем же тогда рыцарь не должен овладевать?

29. Плохо разбирается в доверии тот, кто голодному волку доверит своих овец, и кто доверит красавицу жену молодому рыцарю-изменнику, и кто доверит свой